

(4)

НАШ ТОВАРИЩ-ЮЖАНИН

Пионер АА, сын священника, фермер, он спросил себя: «Кто я такой, чтобы говорить, что Бога нет?».

Мой отец – епископальный священник, и из-за своей работы ему приходится много ездить по плохим дорогам. Его прихожане немногочисленны, но у него много друзей, ведь для него не имеют значения раса, жизненное кредо и социальное положение человека. Скоро он подъезжает на своем багги. И отец, и старая Мод рады оказаться дома. Поездка была долгой, а погода холодная, однако он благодарен за то, что кто-то заботливо подложил ему под ноги горячие кирпичи. Скоро подают ужин. Отец читает благодарственную молитву, откладывая тот момент, когда я наброшусь на гречневые лепешки и сосиски.

Пора в постель. Я поднимаюсь в свою комнату в мансарде. Холодно, поэтому нужно торопиться. Я забираюсь под кучу одеял и задуваю свечу. Поднимается ветер и завывает за стенами дома. Но мне уютно и тепло. Я засыпаю крепким сном без сновидений.

Я в церкви. Отец читает проповедь. По спине леди, сидящей впереди меня, ползет оса. Интересно, доползет она до ее шеи? Черт, улетела! Наконец-то! Духовное послание доставлено прихожанам.

«Пусть твой свет сияет так, чтобы люди видели твои добрые дела...» Я обшариваю карманы в поисках монетки, которую хочу бросить на блюдо, чтобы были видны мои благие намерения.

Я в колледже, в комнате другого студента. «Новенький», – спрашивает он меня, – «ты пьешь?» Я колеблюсь. Отец никогда прямо не говорил со мной о пьянстве, но, насколько мне известно, не пил вообще. Мать ненавидела спиртное

и боялась пьяных. Ее брат был алкоголиком и умер в психбольнице. Но о его жизни при мне не упоминали. Я никогда не пробовал алкоголя, но видел, как веселились ребята, которые пили, и этого было достаточно, чтобы вызвать у меня интерес. Уж я-то ни за что не буду вести себя дома, как деревенский пьяница.

«Ну, так что», – повторяет юноша, – «пьешь ты или нет?»

«Время от времени», – лгу я. Я не могу допустить, чтобы он счел меня маменькиным сынком.

Он наливает два стакана и говорит: «Вот этот на тебя смотрит». Я, поперхнувшись, осушаю свой стакан. Мне не понравилось, но я в этом не признаюсь. Мое тело охватывает приятное тепло. Впрочем, недурно. Определено надо выпить еще. Ощущение тепла усиливается. Пришли другие ребята. У меня развязался язык. Все громко смеются. Я остроумен. У меня нет комплексов. Ух ты, я даже не стыжусь своих тощих ног! Вот это здорово!

Комнату заполнил легкий туман. Электрический свет начал перемещаться. Потом появились две лампочки. Лица других ребят расплываются. Как же мне плохо! Шатаюсь, я добрел до ванной. Не следовало пить так много и так быстро. Но теперь я знаю, как мне быть. После такого я буду пить, как джентльмен.

Так я познакомился с Джоном Ячменное Зерно (*Олицетворение спиртных напитков.* – Прим. пер.). Это был отличный парень, который приходил по первому зову, благодаря которому у меня прорезался прекрасный голос, когда мы распевали песни, и рядом с которым я освобождался от страха и комплексов. Старый добрый Джон! Он был замечательным другом.

Подожли выпускные экзамены, и у меня есть шанс получить диплом. Я бы и не пытался, но мама так на это надеется. На втором курсе я не вылетел из колледжа благодаря тому, что заболел корью.

Но конец близок. Остался последний экзамен, и он легкий. Я уставился на доску с вопросами. Ответа на первый не помню. Попробую второй. Без толку. Похоже, я вообще ничего не помню. Я сосредоточиваюсь на одном из вопросов, но не могу удерживать свои мысли на том, чем занимаюсь. Я начинаю беспокоиться. Если я в ближайшее время не начну писать, то не успею закончить. Ничего не выходит. Я не способен думать.

Я выхожу из аудитории, что дозволяется на экзамене, и иду в свою комнату. Там наливаю себе стаканчик. После этого возвращаюсь к экзамену. Моя ручка шустро снует по бумаге. Теперь я знаю достаточно, чтобы сдать его. Старина Джон Ячменное Зерно! На него можно положиться. Какую чудесную власть он имеет над разумом! Он подарил мне мой диплом!

Недовес! Как я ненавижу это слово! Три попытки поступить на военную службу окончились провалом, потому что я тощий. Правда, я недавно выздоровел от пневмонии и у меня есть оправдание, но мои друзья уже на войне или едут туда, а я — нет. Я навещаю приятеля, который ожидает приказов. Все вокруг живут под лозунгом «Ешь, пей и веселись», и я впитываю эту атмосферу. Каждую ночь я много выпиваю. Теперь я могу осилить много, больше, чем другие.

Я прохожу отбор в пополнение, и меня принимают. 13 ноября я должен ехать в военный лагерь. 11-го подписывают мир, и пополнение отпускают. Так и не послужил отечеству! Война оставляет мне пару одеял, туалетный набор, связанный сестрой свитер и еще более усугубившееся чувство собственной неполноценности.

Суббота, 10 часов вечера. Я потею над отчетами филиала крупной корпорации. У меня есть опыт продаж, инкассирования и ведения бухгалтерии, и я поднимаюсь по служебной лестнице.

И тут – кризис. Хлопок не уродился, и денежные сборы резко уменьшились. Резервный фонд в размере 23 миллионов долларов исчерпан. Конторы закрываются, работников увольняют. Меня вместе с моими отчетами переводят в головной офис. Мне никто не помогает, и я работаю по ночам, а также по субботам и воскресеньям. Зарплату мне урезали. Жена и недавно родившийся ребенок, на счастье, живут у родственников. Я измотан. Доктор сказал, что, если я буду продолжать работать в помещении, у меня разовьется туберкулез. Но что я могу поделать? Я должен содержать семью, а искать другую работу нет времени.

Я тянусь к бутылке, которую мне только что дал Джордж, лифтер.

Я – коммивояжер. День закончился; дела сегодня шли не очень. Пожалуй, пойду-ка я в постель. Мне хотелось бы быть дома, с семьей, а не в этом поганом отеле.

Ну-ка, ну-ка, кого я вижу! Старина Чарли! Как здорово повидать его! Как ты, парень? Может, выпьем? Само собой! Мы покупаем галлон кукурузной водки, ведь она так дешева. Тем не менее, к моменту отхода ко сну я еще крепко держусь на ногах.

Настало утро. Я чувствую себя отвратительно. Глоток спиртного поставит меня на ноги. Но, чтобы на них устоять, нужно выпить еще.

Я начал преподавать в школе для мальчиков. Я люблю эту работу. Мне нравятся мои ученики, и мы с ними много веселимся – как во время уроков, так и после.

Лечение обходится дорого, а наши финансовые дела идут плохо. На помощь нам приходят родители жены. Меня переполняет жалость к себе, моя гордость уязвлена. Мне кажется, что моей болезни не сочувствуют, и я не ценю ту любовь, которая стоит за их даром.

Я подзываю торговца контрабандным спиртным и наполняю свой бочонок. Но я не жду, что последний мне помо-

жет. Я просто напиваюсь. Моя жена чувствует себя ужасно несчастной. Ее отец приходит посидеть со мной. Он никогда не говорит ни единого плохого слова. Он – настоящий друг, но я не ценю этого.

Мы в доме тестя. Мать моей жены находится в больнице, она в критическом состоянии. Я не могу заснуть. Мне необходимо успокоиться. Я крадучись спускаюсь вниз, достаю из погребца бутылку виски и делаю из нее несколько глотков. Появляется тесть. «Может, немного виски?» – спрашиваю я. Он не отвечает и вряд ли вообще меня видит. Этой ночью его жена скончается.

Моя мать уже давно умирает от рака. Сейчас она в больнице, и конец близок. Я много пью, но не напиваюсь. Мама не должна ничего знать. Я навещаю ее перед тем, как она отойдет в мир иной.

Я возвращаюсь в отель, где остановился, и прошу коридорного принести мне джина. Выпив, я ложусь спать; на следующее утро, приняв еще немного, иду еще раз повидать маму. Это невыносимо. Опять иду в свой отель, заказываю еще джина и непрерывно пью. Прихожу в себя в три часа утра. Мною снова овладевает неопишуемая мука. Включаю свет. Я должен покинуть комнату, не то выпрыгну из окна. Оказавшись на улице, я прохожу несколько миль. Бесполезно. Иду в больницу, где уже подружился с ночной дежурной медсестрой. Она кладет меня в постель и делает успокаивающий укол.

Я пришел в больницу навестить жену. У нас родился второй ребенок. Но она не рада меня видеть. Пока малыш появлялся на свет, я пил. С ней остается ее отец.

Холодный, мрачный ноябрьский день. Я изо всех сил борюсь со своим пьянством, но каждая такая битва оканчивается поражением. Я говорю жене, что не могу бросить пить. Она упрашивает меня лечь в больницу для алкоголиков, которую нам порекомендовали. Я говорю, что лягу. Она дого-

варивается обо всем, но я не иду туда. Справляюсь сам. На этот раз я уж точно завязал. Буду только время от времени выпивать несколько кружек пива.

Пасмурное, дождливое утро последнего дня следующего октября. Я направляюсь в амбар, к куче сена. Ищу спиртное, но не нахожу. Тащусь к столу и выпиваю пять бутылок пива. Я должен достать чего-нибудь покрепче. Внезапно возникает чувство безнадежности. Я больше так не могу. Иду домой. Жена в гостиной. Она искала меня вчера вечером, когда я бросил машину и побрел в ночь. Она искала меня сегодня утром. Она достигла края отчаяния. Больше нет смысла что-то пробовать, потому что больше нечего. «Ничего не говори», – прошу я. – «Я собираюсь что-нибудь с этим сделать».

Я в больнице для алкоголиков. Я – алкоголик. Впереди меня ждет психиатрическая лечебница. Может, пусть лучше меня запрут дома? Еще одна дурацкая мысль. Я мог бы поехать на Запад и поселиться на ранчо, где не будет никакой возможности достать чего-нибудь выпить. Мог бы. Очередная глупая идея. Я хочу умереть, чего и раньше так часто желал, но я слишком труслив, чтобы убить себя.

В наполненной сигаретным дымом комнате четверо алкоголиков играют в бридж. Все, что угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о самом себе. Игра окончена, и другие три парня уходят. Я начинаю уборку. Один из них возвращается, закрыв за собой дверь. Он смотрит на меня и спрашивает: «Ты думаешь, что ты безнадежен, так ведь?»

«Я это знаю», – отвечаю я.

«И все же это не так», – говорит он. – «На улицах Нью-Йорка можно встретить людей, которые были в еще худшем состоянии, чем ты, а теперь совсем не пьют».

«И что же ты тогда здесь делаешь?» – интересуюсь я.

«Я вышел отсюда девять дней назад, обещая больше не грешить, но у меня не получилось», – отвечает он.

Фанатик, думаю я, но из вежливости произношу: «Что ты хочешь этим сказать?»

Тогда он спрашивает меня, верю ли я в некую силу, превышающую мою собственную, независимо от того, называю ли я ее Богом, Аллахом, Конфуцием, Первопричиной Божественным Разумом или как угодно иначе. Я говорю, что верю в электричество и другие природные силы, но что до Бога, то, если Он и есть, Он никогда ничего для меня не делал. Затем он спрашивает меня, хочу ли я исправить все то зло, которое когда-либо кому-либо причинил, невзирая на то, насколько неправы, по моему мнению, были другие. Готов ли я ради избавления от алкогольной зависимости быть честным с самим собой, рассказать о себе правду другому человеку и думать о других людях и их потребностях, а не о себе?

«Я сделаю что угодно», – отвечаю я.

«Тогда все твои беды закончились», – говорит мужчина и выходит из комнаты. Он определенно не в своем уме. Я беру книгу и пытаюсь читать, но не могу сосредоточиться. Ложусь в кровать, выключаю свет, но заснуть не могу. И вдруг меня осеняет. Могут ли все известные мне стоящие люди заблуждаться насчет существования Бога? Затем я обнаруживаю, что размышляю о себе и некоторых вещах, которые раньше хотел забыть. Я начинаю понимать, что я – не тот человек, которым себя считал, и что я судил о себе путем сравнения себя с другими, причем оно всегда было в мою пользу. Это шок для меня.

Потом приходит мысль, подобная голосу. «Кто ты такой, чтобы говорить, что Бога нет?» Она звенит у меня в голове; я не могу от нее отделаться.

Я встаю с кровати и иду в комнату того мужчины. Он читает. «Я должен задать тебе один вопрос», – говорю я. – «Какое отношение ко всему этому имеет молитва?»

«А вот какое», – отвечает он. – «Вероятно, ты пробовал молиться так, как раньше молился и я. Попав в передрыгу, ты просил: «Боже, пожалуйста, сделай то или это»; и, если выходило по-твоему, на этом все и кончалось; если же нет, ты говорил: «Никакого Бога нет» или «Он ничего для меня не делает». Верно?»

«Да», – отвечаю я

«Это – не тот способ, который может нам помочь», – продолжает он. – «Что делаю я? Я говорю: «Боже, вот я перед тобой со всеми своими бедами. Я запутался и не могу ничего с этим поделать. Возьми меня и все мои беды и делай со мной, что тебе угодно». Я ответил на твой вопрос?»

«Ответил», – говорю я и возвращаюсь в постель. Все это бессмысленно. Внезапно меня охватывает чувство полнейшей безнадежности. Я – на самом дне ада. И там рождается огромная надежда. Может быть, это и правда поможет?

Я вскакиваю с постели и становлюсь на колени. Я не осознаю, что говорю. Но постепенно на меня снисходит глубокое умиротворение. Я воспрянул духом. Я верю в Бога. После этого я снова ложусь и засыпаю, как ребенок.

Моего нового приятеля навещают несколько мужчин и женщин. Он приглашает меня познакомиться с ними. Они – веселые ребята. Я никогда раньше не видел таких счастливых людей. Мы беседуем. Я говорю им об обретенном покое и о том, что верю в Бога. Я думаю о жене. Я должен ей написать. Одна девушка советует мне позвонить ей. Чудесная мысль!

Услышав мой голос, жена понимает, что я нашел выход. Она приезжает в Нью-Йорк. Мы навещаем кое-кого из моих новых друзей.

Я снова дома. Я потерял Сообщество. Люди, которые меня понимают, далеко. Меня окружают все те же старые проблемы и тревоги. Домашние меня раздражают. Кажется,

что все идет не так. Я мрачен и несчастен. Может, пропустить стаканчик? Я надеваю шляпу и сажусь в машину.

В числе прочего те ребята из Нью-Йорка говорили: участвуй в жизни других людей. Я еду к одному мужчине, которому меня просили нанести визит, и рассказываю ему свою историю. Теперь мне гораздо лучше! Мысль выпить забылась.

Я в поезде, еду в город. Дома я оставил больную жену и, уходя, нехорошо себя вел по отношению к ней. Мне очень плохо. Может, когда доберусь до города, выпить несколько рюмок, чтобы стало лучше? Мной овладевает жуткий страх. Тогда я заговариваю с незнакомцем, сидящим рядом. Страх и сумасшедшая идея исчезают.

Дома дела обстоят не очень. Я осознаю, что не могу все делать по-своему, как было раньше. Я виню в этом жену и детей. Я весь во власти гнева, какого до этого никогда не испытывал. Больше не могу так. Собираю сумку и ухожу. Нахожу приют у понимающих друзей.

Я понимаю, в каких ситуациях был в чем-то неправ, и больше не сержусь. Возвращаюсь домой и прошу прощения за свои ошибки. Я снова спокоен. Но мне еще предстоит уяснить, что следует делать некоторые конструктивные шаги, продиктованные любовью, не ожидая ничего взамен. После еще нескольких взрывов я этому научусь.

Мне опять тоскливо. Хочу продать дом и переехать туда, где я смогу помогать другим алкоголикам и общаться с членами Сообщества. Звонит какой-то мужчина. Не возьму ли я к себе пожить юношу, который пьет уже две недели? Скоро ко мне приходят другие алкоголики, а также несколько человек с другими проблемами.

Я начинаю играть в Бога. Мне кажется, что я могу наладить жизнь всех этих людей. Ничью жизнь мне наладить не удастся, но я получаю колоссальный опыт и обзавожусь новыми друзьями.

Все идет не так. Денег не хватает. Я должен найти способ заработать. Моя семья, похоже, только и делает, что тратит. Люди меня раздражают. Я пробую читать. Пробую молиться. Сумрак сгущается вокруг меня. Почему Бог меня оставил? Я уныло слоняюсь по дому. Больше не буду бывать на людях и не буду ни в чем принимать участие. Что со мной происходит? Не понимаю. Так продолжаться не может.

Напьюсь! Это решение хладнокровно и обдуманно. Я устраиваю себе над гаражом маленькую комнатку, где есть книги и питьевая вода. Собираюсь в город за выпивкой и едой. Пока не вернусь в свою комнатку, пить не буду. Вернувшись же, закроюсь там и буду читать. При этом буду выпивать по чуть-чуть, делая длинные перерывы между порциями. Приведу себя в состояние «навеселе» и буду его придерживаться.

Я сажусь в машину и отъезжаю. И тут мне в голову приходит мысль. Я все равно буду честен. Я скажу жене, что собираюсь сделать. Возвращаюсь в дом, зову жену в комнату, где нас никто не услышит, и спокойно говорю о своем намерении. Она не говорит ни слова и не приходит в волнение. Она сохраняет совершеннейшее спокойствие.

Когда я заканчиваю говорить, все это начинает казаться абсурдом. Во мне нет и тени страха. Я смеюсь над безумием собственной идеи. Мы разговариваем на другие темы. Из слабости выросла сила.

Сейчас я не вижу причин этого искушения. Но позже понимаю, что корень его лежит в том, что мое желание материального процветания стало превышать мою заинтересованность в благополучии ближнего моего. Я узнаю больше о краеугольном камне характера – честности. Я уясняю, что, когда мы действуем в соответствии с высочайшими представлениями о честности, дарованными нам, наше чувство честности обостряется.

Я узнаю, что честность – это истина, а истина делает нас свободными!